

Театр-семья, театр-жизнь...

Урядового белоруса Мозырь ассоциируется с мармеладом, с Припятью, с нефтепереработкой, с солью – с чем угодно, но только не с театром. Между тем это город со столетними, и притом очень серьезными, театральными традициями.

– Как это они получили Национальную театральную премию, а я их спектаклей даже не смотрел? – возмущается самозванный критик из несуществующей прессы. – Что-то тут нечисто!

Национальную премию за 2021 год мозыряне получили за спектакль по мотивам романа Ивана Мележа «Людзі на балоце». Причем не одну премию, а сразу две. Главный режиссер Роман Цыркин стал лауреатом в номинации «Лучшая работа режиссера в спектакле драматического театра», актер Михаил Клименко за роль Халимона удостоился специальной премии жюри.

А насчет чистоты – чисто. Очень чисто. И в душах, и в отношении к искусству. Кристальная чистота, которой, пожалуй, не бывает в столицах. И память, столь уместная в нынешний год и вообще очень важная в жизни.

Дом, который построил Сибольди

Рождению театра всегда предшествует некое томление. Люди собираются в драматический кружок или ни с того ни с сего в дружеской компании начинают репетировать пьесу.

В Мозыре зарождение театра случилось ровно 100 лет назад.

Представим себе город, который с февраля по декабрь 1918 года занят германскими войсками, затем больше года был губернским центром Полесского округа Украинской Народной Республики, а 5 марта 1920 года его захватили и разграбили поляки. Лишь 29 июня 1920 года Мозырь был освобожден и вошел в состав БССР.

И вот в этом городе, который еще толком не знает, в каком он государстве и куда ведут его пути-дороги, в 1922 году образуется драмкружок.

А год спустя, 1 августа 1923 года, Мозырское уездное бюро профсоюзов публикует объявление: «Культотдел Мозырского Упрофбюро, стремясь идти навстречу культурным запросам трудящихся г. Мозыря, открывает... бесплатно театральную студию под управлением знаменитого артиста и режиссера тов. М.Л. Меерсона. Студия открывается при клубе им. Томского, в ней будут преподаваться пластика, мимика, мелодрама, правила для сцены, дикция, постановка звука, гримировка и декламация на еврейском и русском языках. Главной целью создания театральной студии является собрать в ней всех, имеющих призвание к сцене, чтобы создать образцовый театр в г. Мозыре...».

Возрожденный из пепла Мозырский государственный драматический театр имени И. Мележа. 2021 год

Почему еврейский язык, понятно: по данным переписи 1939 года, в Мозыре проживало 8349 белорусов (47,8 %), 6307 евреев (36,1 %), 1671 русский (9,6 %), 602 украинца (3,4 %), 385 поляков (2,2 %). В 1923 году цифры, ясное дело, были другие, в период между переписью 1897 и 1939 годов население города выросло ровно в два раза до 17 477 человек, но этнические пропорции вряд ли изменились. Резкое изменение этих цифр произошло лишь после того, как почти все евреи города были убиты нацистами в Мозырском гетто.

Но тогда никому и в голову не приходило, что город и страну постигнет подобная катастрофа. Люди были полны оптимизма.

В 1925 году из студийцев Меерсона сформирован колхозно-совхозный театр. Эту дату и считают отправной в театральной истории города. И не было бы счастья, да несчастье помогло – здание, в котором они работали, в 1927 году стало стремительно разрушаться.

«Здание Мозырского театра вызывает угрозу обвала, – гласило тогдашнее постановление. – В связи с этим здание закрыть для дальнейшей эксплуатации, ремонт считать нецелесообразным. Ходатайствовать... об ассигновании средств... для строительства нового здания гортеатра».

И государство выделило деньги! Год спустя вышло уже другое постановление: «Проект театра-клуба, разработанного окружным инженером тов. Сибольди, признать. Строительство театра-клуба произвести на углу ул. Ленина и Почтовой (участок педтехникума)».

Трудно сказать, кем был этот Сибольди. Говорят, оперным архитектором.

– Наше здание – это ведь памятник архитектуры! – уверял меня нынешний главный режиссер Мозырского драматического театра Роман Матвеевич Цыркин. – Построено то ли в 1929, то ли в 1932 году итальянскими оперными архитекторами. Когда-то в нем была великолепная акустика.

Клуб-театр – так именовалось это здание в те далекие времена. Двухэтажное кирпичное со входом в виде полукруглой колоннады, со зрительным залом на 600 мест, в котором, кроме партера и балкона, было семь лож для особо уважаемой публики.

Театр переживал реорганизации вместе с городом и страной. В 1935 году он стал называться Мозырским окружным колхозно-совхозным театром. Художественным руководителем его был назначен Городецкий, а в 1937-м – Василий Потехин, москвич, ученик Мейерхольда, практически всю творческую жизнь работавший в разных белорусских театрах.

При нем 15 января 1938 года коллектив реорганизовали в Полесский областной драматический театр, а его репертуар пополнился замечательными спектаклями. Тогдашние критики особо отмечали «Партизан» Кондрата Крапивы, «Коварство и любовь» Фридриха Шиллера, «Волки и овцы» Александра Островского. Все спектакли идут на белорусском языке. Театр много гастролирует, в основном по Западной Беларуси.

И тут война. В 1944 году здание театра было взорвано, но сразу после освобождения города артисты возвращаются к работе. Будущий народный артист СССР Леонид Рахленко ставит «Прымакоў» Янки Купалы, «Хто смяецца апошнім» Кондрата Крапивы, «Русские люди» Константина Симонова.

И вдруг в 1946 году театр реорганизуют в Пинский областной, и вся труппа во главе с Потехиным переезжает в Пинск. Но театр в Мозыре вроде как продолжает существовать. В 1953 году его из отдела искусств переводят в подчинение управлению культуры Полесского облисполкома. Год спустя уже и сам Мозырь теряет областной статус, а значит, и право на такую роскошь, как профессиональный театр.

Дальше почти сорок лет все театральные потребности многотысячного города закрывала любительская труппа. В 1950-е годы ею руководит Н. Зальцман, затем М. Полторацкий – именно при нем в 1960 году театр удостоивается звания «народный» и возвращается в помещение городского театра, но продолжает числиться при городском Доме культуры.

Народный театр имени Михаила Колоса

В 1965 году руководителем Мозырского народного театра становится Михаил Ефимович Колос. Он и режиссер, и главный актер, и отец коллектива в свои 30 лет.

Как и все судьбоносные события, его приход случился вопреки: снизу, а не сверху.

– Он был одаренным от Бога человеком, – рассказывает ведущий актер Мозырского театра, лауреат Национальной театральной премии Михаил Клименко. – Однозначно. Вопросов не было – это гениальный был человек. Другое определение к нему просто не подходит.

Клименко – ученик Колоса. Он пришел в театр в 1982 году студентом пединститута. В 1983 году был призван в армию, отслужил, вернулся и остался навсегда.

– У него труппа приходящая и играющая была тогда порядка 80 человек. Люди с работы не домой шли, а на

репетицию бежали, – продолжает свой рассказ Клименко. – У него был театр-семья. Сейчас это расхожая фраза, а у него это была настоящая сущность. Он любил нас всех, мы любили его. Любил не за что-то конкретное, не потому, что мы приходили к нему на репетицию, а просто любил. Он так относился ко всем людям и получал от них соответствующую отдачу.

Любовь Колоса была действенной. Он работал с народными актерами, учил их и воспитывал.

– Миша Клименко пришел студентом пединститута с очень своеобразным говором: он поддывал! Много мне с ним пришлось повозиться! Но я его сразу взял в оборот, он играл у меня много-много-много, – вспоминал Михаил Ефимович в одном из своих последних разговоров с журналистами.

«Люди с работы не домой шли, а на репетицию бежали».

18 января 2022 года Колоса не стало. Последние тридцать лет он жил и работал на родине жены, в Калязине Тверской области России. Раз в два года приезжал в Мозырь на могилы родных и непременно встречался со своими актерами.

– Я родился в Лельчицком районе в деревне Картыничи, – вспоминал Михаил Ефимович. – Мой отец всю жизнь был председателем колхоза, и куда бы его ни назначали, семья ехала за ним. А семья была десять человек. В студию при витебском театре имени Якуба Коласа я поступил, работая фельдшером в Витебской области, местечко Опса.

Театральный буклет. 1970-е годы

Иван Мележ и Михаил Колос. Конец 1960-х годов

Надо было слышать, с каким смаком и звонкостью он произносил название городка: «Опса!!!» Глубоким стариком он все еще был необыкновенно выразителен и в речи, и в мимике, хотя с точки зрения русской орфоэпии его речь не казалась идеальной.

Окончив студию в Витебске, приехал в Мозырь. Место режиссера народного театра на тот момент пустовало, и он – 28-летний энергичный парень – решил предложить свои услуги, но получил от ворот поворот. «О нет, что вы, что вы!» – сказали ему. – «У нас из пединститута человек специально готовится принять этот театр».

И Колос устроился работать в районную санитарную бригаду, но мыслей о театре не оставлял и через какое-то время вместе с друзьями пришел на пробу уже в качестве актера. И тут случился казус, о котором он сам рассказывал так:

– Режиссер Костяев белорусского языка не понимал, а пьеса была белорусская, бытовая. Нужно было знать манеры белоруса. Я не был помощником режиссера – такой должности вообще не существовало, – я был простым участником спектакля. Но Костяев мне разрешил. Это было мое первое столкновение с режиссурой. Но я чувствовал материал! И актеры почувствовали, что я в этом деле разбираюсь.

Закончилось тем, что, уезжая из Мозыря, Костяев местному начальству строго наказал: «На мое место только Колоса!»

Свой первый самостоятельный спектакль Михаил Колос поставил в 1967 году, как он подчеркивал, к пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Это было «Раскіданае гняздо». Вместе с бессменным тогдашним художником театра Петром Сергеевичем Захаровым мастерил декорации:

– У нас в подвале были топоры, пилы, я сам сконструировал и смастерил строгальные станки...

Кажется, нет такого дела, в котором он не был бы от Бога одарен! За домоткаными рубахами и андараками ездил в родную деревню. Каким-то чудом в бухгалтерии выбил на это деньги:

– Я выгрызал все, я вырывал зубами!

Костюмы, что называется, «выстрелили». Грянул I Всесоюзный фестиваль театрального искусства. Жесточайший отбор по всем инстанциям – и спектакль Мозырского народного театра «Раскіданае гняздо» удостоен лауреатского звания и золотой медали. 24 мая 1967 года Колос со своими питомцами сыграл его на сцене Кремлевского дворца съездов.

«Я чувствовал материал! И актеры почувствовали, что я в этом деле разбираюсь».

– Тогда Фурцева на мою грудь повесила медаль «За личную работу», – с особой гордостью вспоминал он.

Сам Михаил Ефимович потрясающе играл Сымона – как, впрочем, и Крыницкого в «Паўлінцы», и Максима Кутаса в «Прымаках», и Василя в спектакле «Людзі на балоце» Ивана Мележа. Писатель приезжал на премьеру в 1970 году, и в честь этого события театр спустя четверть века получит имя белорусского классика.

Вообще же, Колос поставил и сыграл в народном театре чуть ли не всю наличную белорусскую драматургию. Между делом в 1971 году умудрился окончить театральное училище имени Щукина при Вахтанговском театре и в 1972-м получил звание заслуженного работника культуры БССР.

Свой высокий класс театр подтвердил на II Всесоюзном фестивале театрального искусства в 1986–1987 го-

Михаил Колос в одном из спектаклей Мозырского народного театра. 1960-е годы

Михаил Колос и Михаил Клименко. 2021 год

дах. «Паўлінка» в постановке Колоса удостоилась всех мыслимых и немыслимых наград. Плюс к этому две победы – в 1976 и 1986 годах – на фестивале «Рампа дружбы» в Таллине. Естественным образом встал вопрос о возвращении Мозырскому народному театру статуса профессионального.

Эксперимент на людях

В марте 1990 года решением Гомельского областного исполнительного комитета на базе народного театра Дома культуры города Мозыря создается Белорусский экспериментальный театр «Верасень». Художественным руководителем назначается Михаил Колос. Труппа формируется из артистов народного театра и выпускников студии, которая уже тогда работала при театре.

– Когда я спросил у Колоса, почему театр экспериментальный, он ответил, что это самый подходящий вариант для оформления юридического лица, – вспоминает Михаил Клименко.

И действительно, в советское время очень трудно было открыть в райцентре профессиональный драматический театр без каких-то уловок и оправданий. К примеру, известный и заслуженный драмтеатр в Бобруйске до сих пор носит название «Могилевский областной театр драмы и комедии имени В.И. Дунина-Марцинкевича». По тому же образцу именуются и оба театра в Молодечно: Минский областной драматический театр и Минский областной

театр кукол «Батлейка». Хотя, например, Слонимский драматический театр, открывшийся 1 января 1990 года, как-то обошелся без подобных «замещений».

Статус профессионального театра важен прежде всего для актеров: они получают долгожданную возможность целиком отдаться творчеству.

– В театре появились штатные единицы, и меня взяли в штат, – рассказывает Михаил Клименко.

Но, как я понимаю, «экспериментальность» в названии театра больно ударила по самому Колосу. Он был гением, но экспериментатором не был – мысль, которая у «прогрессистов» и «западников» не укладывается в голове.

В 1990 году на его место приходит Сергей Клименко – уроженец Запорожья, выпускник Минского театрально-художественного института, ученик Владимира Маланкина, смелый экспериментатор, работавший сначала актером в Гродно, потом актером и режиссером в Бобруйске.

Он приглашает на постановки своих друзей Виталия Барковского, Николая Трухана – ярких и талантливых, но по группе театральной крови абсолютно чуждых мозырским актерам.

Михаил Клименко об этом времени в жизни театра и о своем однофамильце предпочел ничего не говорить.

В знаковом в жизни страны 1994 году Сергей Клименко возвращается главным режиссером в Бобруйск, где его ждали актеры, близкие ему по духу. Театр в Мозыре обретает свое нынешнее имя – Мозырский государственный драматический театр имени Ивана Мележа.

Но понадобилось еще несколько лет и сменяющих друг друга главных режиссеров, чтобы театр обрел тот облик, в котором его задумывал Колос.

Восставший из пепла

Приход Цыркина совпал с началом XXI века. Роман Матвеевич родился в Казани, но именно он вернул Мозырскому театру его полесские корни.

Удивительный город Казань! Город, где жил в эвакуации маленький Леня Хейфец – коренной минчанин, знаменитый московский театральный режиссер, который много-много лет спустя станет учителем Цыркина.

Я не спрашивала Романа Матвеевича, какими судьбами он в конце 1980-х оказался в студентах Минского института культуры. Прихотлива нить судьбы. Знаю, что Цыркин – фамилия ветковская и чечерская.

Роман Цыркин.
2019 год

Но режиссер не сразу оказался в Восточном Полесье. Окончив в 1993 году институт, вкусил горького и скудного в ту пору актерского хлеба: Молодечно, затем Брест, более 30 сыгранных ролей...

Наконец в Мозыре, куда Цыркин перебрался в 1999 году, он впервые пробует себя в качестве режиссера-постановщика. В 2000 году каким-то чудом ставит сразу четыре спектакля: «Мужской род, единственное число» по роману Жан-Жака Брикера, «Деревья умирают стоя» по пьесе Алехандро Касона, детский спектакль «Новогодние приключения Буратино» и «Контракт» по пьесе Франсиса Вебера.

– «Деревья умирают стоя» мы играли долго и с большим успехом, – рассказывает Цыркин. – Сняли с репертуара только потому, что ушли артисты. А минувшей осенью обратились к этой пьесе вновь. Одна из зрительниц написала в книге отзывов: «Спасибо, я ждала этот спектакль десять лет! С него началась моя любовь к театру».

Так что первый блин, как и у Колоса, не был комом.

Год спустя Цыркина назначают главным режиссером и сразу отправляют на стажировку в Москву. Тут он и познакомился с Хейфецем. С тем единственным человеком, которого считал и считает своим учителем.

– Прощай, Мастер! – сказал он в недавние скорбные дни, когда Хейфец ушел из жизни.

Тот случай, когда сказать что-то большее или меньшее невозможно, а можно только продолжать-продолжать-продолжать делать то, чему тебя учили.

Больше двадцати лет он у руля Мозырского театра.

Вместе с коллективом пережил трагедию, случившуюся на фоне масштабной реконструкции здания по программе развития Припятского Полесья. С 2010 года в Большом зале не было спектаклей, но в Малом они продолжались. В тот день в афише был «Счастливчик». Но в два часа пополудни в ГРОЧС поступило сообщение о пожаре.

– Когда спасатели прибыли на место, они обнаружили сильное задымление и огонь на втором этаже здания. Была вызвана дополнительная помощь, всего работало 20 единиц спецтехники. Этот пожар, к счастью, обошелся без жертв, – рассказывал заместитель начальника Мозырского ГРОЧС Андрей Сечко.

**«Ждала этот спектакль десять лет!
С него началась моя любовь к театру».**

Оказалось, всему виной замыкание электропроводки в Малом зале.

– К сожалению, полностью сгорел архив. Это очень большая утрата. Нам сочувствует и поддерживает множество людей. Мне сложно говорить, – это из тогдашнего интервью с Романом Цыркиным.

– Сгорело очень много костюмов. Декорации частично успели вывезти. Мы не отчаиваемся, надеемся на то, что все будет хорошо, – рассказывала тогда директор театра Мария Потапьева.

Дом, который построил Сибольди, сильно пострадал, и многие сомневались, удастся ли его восстановить. Но Феникс восстал из пепла.

**«Деревья умирают стоя». Другой – Андрей Спиридович,
Дедушка – Вадим Дубров. 2021 год**

– Более семи лет мы были на ремонте, без дома и, конечно, многих растеряли, – вспоминает теперь уже в разговоре со мной Роман Матвеевич Цыркин. – В Мозыре выросло поколение молодежи, которое никогда не ходило в театр. Но потихоньку все восстанавливается.

Двери театра распахнулись после реконструкции 24 июня 2020 года. Сейчас здесь два зала – на 500 и 120 мест. Красную ленточку перерезал Глава Администрации Президента Игорь Сергеенко.

– Я уверен, что этот обновленный театр, который смог сохранить свою труппу, станет настоящим культурным центром не только Мозыря, но и всего Полесского региона, – сказал высокий гость и вручил сертификат на 100 тыс. рублей на укрепление материально-технической базы.

– Конечно, сложно было без здания, без ничего, – продолжает режиссер. – «Людзі на балоце» [тот самый спектакль, за который Цыркин и Клименко удостоились в 2021 году Национальной театральной премии. – Авт.] репетировали на техучастке, в помещении размером с небольшой конференц-зал. А там же занята почти вся труппа, и она не вмещалась! Но сейчас у нас, слава богу, шикарное здание. Аппаратура современная, интерьеры красивые. Я надеюсь, что дальше будет хорошо.

Спрашиваю, кстати, сколько человек в труппе.

– На данный момент 26. Конечно, хотелось бы больше.

– Как она пополняется?

– Еще с 2000 года мы сами набираем местных ребят. Они потом поступают в Академию искусств, в университеты культуры и искусств в Питере и Минске. Практически все оканчивают заочно. Пара человек пришли из Могилевского колледжа искусств.

Михаил Клименко – истинно народный артист – вообще против очного актерского образования:

**«Людзі на балоце». Міканор – Юрый Шмак,
Алена – Ларыса Верасовіч. 2021 год**

«Уехал цирк...». Бекки – Виктория Бачура. 2020 год

– Если ребята поступают сразу со школьной скамьи, они практически сознательно попадают в другой мир. Теряют связь с нормальными человеческими эмоциями, и это портит им работу. Пока учишься, все хорошо, а когда артисты выходят на сцену, там совершенно другая жизнь. Те, кто посильнее, понимают и перестраиваются. А некоторые так и плавают под облаками.

В чем суть «другой жизни», Клименко объясняет с предельной конкретностью:

– На сцене должны быть те же самые эмоции, которые мы переживаем в жизни. Эмоции должны быть настоящие. А когда ты плачешь, не зная, как это бывает в жизни, или делаешь вид, что ты плачешь, потому что сам никогда не плакал и не видел, как плачут другие, – получается несуслазица.

«„Людзі на балоце“ рэпетіравалі на тэхчастке, в помещенні размерам с небольшой конференц-зал. А там же занята почти вся труппа, и она не вмещалась!».

Сам Клименко профильного образования не имеет, и его это ничуть не расстраивает:

– Главное, чтобы ты умел свое дело делать, чтобы был интересен на сцене.

С Цыркиным они очевидные единомышленники. Клименко говорит: «С Цыркиным интересно!» И то же самое говорит Цыркин о Клименко. Оба фанатики работы, оба исповедуют один и тот же театр – театр переживания, а не представления. Это традиция, которую заложил еще Колос.

Спрашиваю у Клименко, проживает ли он эмоции на полную катушку.

«Кто смеется последним». Никифор – Петр Перепеча. 2019 год

– Проживаю, но не фанатично. Помню, когда мы сыграли один спектакль, выходим из дверей и говорим Колосу: «Михаил Ефимович, мы так хорошо сыграли сегодня!» Он остановился и ответил: «Слово неправильное – играть! Играть на сцене нельзя, на сцене нужно жить». Он нас этому учил очень легко, ненавязчиво, чтобы мы на сцене жили и думали. Самое главное – думать и жить!

И Клименко, и Цыркин убеждены, что театр и актеры растут только на серьезной глубокой драматургии.

– Это мой принцип! – признается Цыркин. – Падать, так с хорошего коня!

В качестве свежих примеров называет новую постановку пьесы Алехандро Касона «Деревья умирают стоя», а также «Уехал цирк...» по пьесе американского драматурга Дона Нигро.

– Это первая в мире постановка этой пьесы! – с гордостью говорит режиссер.

Вообще же, афиша театра весьма разнообразна. В том числе и в плане языка.

Есть в ней спектакль «Кто смеется последним» Кондрата Крапивы – именно так, на русском.

– Естественно, пьеса переделана, – рассказывает Цыркин. – Все-таки она написана в 1930-е, и какие-то идеологические анахронизмы нам пришлось убрать, заострив внимание на сатирической стороне пьесы, на высмеивании самозванцев.

Есть и другие яркие постановки Цыркина: «Прымакі» Янки Купалы, «Мать» по пьесе Карела Чапека.

– Я считаю, это должно быть в репертуаре, – убежден режиссер. – Не всегда нужно только веселить зрителя. Даже если веселить, то со смыслом.

Но случаются, хоть и редко, спектакли другого плана, других режиссеров – как правило, приезжих. Клименко говорит об этом откровенно:

«Прымакі». Максім Кутас – Юрий Шмак, Кацярынка – Людміла Руцкая, Паланя – Валянціна Рослікава, Трахім Сініца – Вадзім Дубраў, Даміцэля – Алена Пракопава. 2018 год

– Сейчас иногда появляются у нас товарищи уровнем пониже того, к которому я привык, и материал привозят примитивнее. Работать над ним скучно, неинтересно! Ты не получаешь для себя ничего нового – ни в эмоциональном, ни в интеллектуальном плане. Ничему не учишься, не развиваешься, сам материал не требует от тебя никакого напряжения, никакого труда. Как говорится, ни уму ни сердцу! Такое хоть и нечасто, но случается.

Вообще же, аппетит к работе у актеров огромен. Тот же Клименко не считает ни ролей, ни отыгранных спектаклей. А зачем?

«Не всегда нужно только веселить зрителя. Даже если веселить, то со смыслом».

– Как-то я прочитал поговорку: «Найди себе дело по душе, и ты ни одного дня в жизни не будешь работать!» Получается, я бездельничаю всю жизнь! – улыбается он.

Таланты и поклонники

Мозыряне любят свой театр, и это не просто пресловутый «наш ответ столице». Пожар лишь обострил эту особую нежность, дав горожанам почувствовать, что у них есть и что они могут потерять.

– У нас же были спектакли, которые по 14 лет шли без перерыва, люди ходили. Это была сказка, в которой я работал, – говорит Клименко.

Между тем, по данным Белстата на 1 января 2021 года, население Мозыря составляло 105 439 человек, плюс находящийся в девяти километрах город-спутник Ка-

«Мать». Долорес – Наталья Скоморохова. 2019 год

линковичи с населением 37 633 человека. Как видим, потенциальных зрителей не так уж и много.

Да, в городе работает Мозырский государственный педагогический университет имени И.П. Шамякина. Есть несколько колледжей – политехнический, медицинский, музыкальный. Еще Мозырский объединенный краеведческий музей, но нет пока городской картинной галереи. В любом случае, есть интеллигенция, студенты и педагоги, есть истинные театралы.

Театр, кстати, любит приглашать к себе учащуюся молодежь. В нынешний Международный день театра для студентов педагогического университета организовали экскурсию «Волшебный мир закулисья». Не так давно за кулисы заглянули и учащиеся гимназии имени Янки Купалы. И всегда это праздник, и десятки фотографий в социальных сетях с хештегом #ялюблютеатр.

– А слава-то как? Узнают ли на улице? – спрашиваю у Клименко.

– Конечно! Я ведь урожденный мозырский, живу здесь, учился в трех школах, УПК, в нашем мозырском институте. Ну и в театр люди ходят. Был бы приезжий человек, может быть, меньше бы узнавали.

Впрочем, Михаила Александровича это обстоятельство не беспокоит:

– Слава – вообще непонятно какое явление, никому не нужное.

Все, что движет, – страстная любовь к профессии, к театру. Любовь горячая, не знающая границ. Этим живут, дышат в далеком полесском городе в 300 километрах от столицы...

Михалина СКРИПКА

Фото из личных архивов М. Колоса, Р. Цыркина и Мозырского государственного драматического театра имени И. Мележа